

М. А. Вавилова

ИЗ АРХИВНОГО НАСЛЕДИЯ А. А. ШУСТИКОВА

В Государственном архиве Вологодской области хранится большое количество разнообразных этнографических материалов, собранных известным вологодским краеведом А. А. Шустиковым. Многие из них никогда не публиковались. Среди них очерк «По захолустьям Вологодской губернии», написанный А. А. Шустиковым по впечатлениям от экспедиционной поездки в 1918—1919 годах по деревням Кадниковского, Кирилловского и Вельского уездов¹. По своему характеру он продолжает серию бытовых этнографических описаний, выполненных А. А. Шустиковым по заданию Русского Географического общества и «Этнографического бюро» князя Тенишева. В тексте публикуемого очерка есть ссылки на «Троичину Кадниковского уезда» (1892 г.) и «Тавреньгу Вельского уезда» (1895 г.)².

Предлагаемый вниманию читателя очерк может показаться однообразным, если не иметь в виду тот перечень вопросов, на которые должны были отвечать информаторы-краеведы. Это географические и демографические характеристики обследуемой местности, сведения об основных занятиях населения, характере земледелия, промыслах, состоянии образования и здравоохранения, отношении к религии, описание памятников материальной и духовной культуры. Этому плану и придерживался А. А. Шустиков. В предыдущих очерках подробно и обстоятельно даны ответы на все вопросы программы. Настоящий же очерк выглядит чрезвычайно схематичным. Причину подобного лаконизма определить трудно. Возможно, это не более чем своеобразный конспект, составленный сразу по следам экспедиции, который автор позднее предполагал «насытить» дополнительным материалом.

Очерк «По захолустьям Вологодской губернии» можно сравнить с моментальной фотографией, запечатлевшей сиюминутную ситуацию. В центре России отшумели революционные бури, идет гражданская война, а жителей захолустья это как будто не

касается: процветает патриархальное хозяйство. «У них все свое: и одежда, и хлеб, и даже заработки,» в ходу почти нет денег: «почто они нам!» — говорят в Турове, «одежду носят домашнего приготовления», «народ исключительно земледельческий», «искони землеробы», «проселочные дороги поддерживаются самим населением», «в быту еще можно увидеть ручные мельницы» (Дягилевы Горы), «народ живет вольный, в хлебе не нуждается. Кругом леса непроходимые, грибов и ягод не могут убрать... Скота всякого держат помногу, а потому и масло, и шерсть свои, а из шерсти делают одежду и обувь для зимы...» (Турово). «Вся домашняя утварь здесь делается из лыка..., в том числе и обувь — лапти... Сапоги здесь носят только по праздникам, отправляясь в церковь...». «Охотников здесь немало, но из ружья бьют только белку (иначе векшу) и куниц, птицу же и зайцев ловят в петли («силки» и «нижки»), лисиц и волков ловят зимой в «клепцы» (капканы). Это современность, 1918—1919 годы. Но наблюдения краеведа интересны не только фиксацией современности. Есть интересные штрихи, позволяющие восстановить историческое прошлое края. Правда, история в записях Шустикова представлена очень конспективно.

Изучаемый Шустиковым регион довольно интересен в историческом отношении. Эту территорию захватывают историко-географические и культурные зоны, связанные с Новгородской (западная) и Ростово-Суздальской (восточная часть) потоками колонизации, что нашло отражение в широко бытующих преданиях. Но, хотя Шустиков пишет, что «преданий много», полных их текстов в очерке нет. Возможно, фольклорный материал был оформлен отдельно. Однако по некоторым скудным деталям можно восстановить типы преданий, услышанных Шустиковым.

Это предания о заселении и освоении края, его аборигенах. Много преданий о чуде. Сохранились их жилища и «печища», как постоянно отмечает Шустиков. Но полных текстов не приводит. Заселение края связано с его христианизацией. Шустиков рассказывает об отголосках обряда жертвоприношения животных (Явенга, Игумны) явно языческого происхождения. Конечно, в начале XX века данный обряд уже получил новую символику и связан был с памятью святых. Коллективное пиво символизировало кровь Христову, мясо животного, которое было заменено хлебом, — тело Христово. Не случайно эти обряды проводились у часовни, у церкви, по-видимому, в тех местах, которые почитались аборигенами, вчерашними язычниками. Обряд коллективного поедания мяса жертвенного животного имеет и другой смысл. Он называется еще «мольбой». В этом случае он носит характер дара, приношения: «...к 1 октября в прежние времена привозили сюда к церкви в жертву быков, овец и пр., а также привозили

хлеб, масло, шерсть и т. п...» (Игумны). Но, как отмечает Шустиков, «сейчас уже ничего подобного нет».

К ранним преданиям относятся и рассказы-легенды о «явленных иконах», их чудесном спасении (легенда об иконе Варвары Великомученицы в церкви того же названия в Чужге).

Нашла отражение в преданиях и эпоха татарщины. Название деревни «Бухара» местные жители, по мнению Шустикова, явно связывают с татарским происхождением. О неприветливости ее жителей говорят: «Настоящие бухарцы». Остатки татарских становищ находят у деревни Анисимовская около села Троицко-Енальское. Шустиков записал: «Жилье их было в кибитках, обитых войлоком». Название урочища «Орудийное» местные жители также связывают с периодом татарщины. Кроме того, Шустиков купил для музея «татарскую кубышку древней формы — для кумыса или вина, из глины, которой в наших местах нет».

Свидетельства польско-литовской интервенции сохранились в названиях, фамилиях и прозвищах местных жителей. «В Тавренье, — пишет Шустиков, — много встречается крестьян с польскими фамилиями, как, например, Пилаевские («Жаровичи»), Симановские, Лискичи, Никопольские и т. п.» (Игумны).

Очень распространено было на Севере предание об «удавах», которое приписывается и чуди, и староверам. Здесь же оно связывается с воспоминаниями о польско-литовской интервенции, о том, как поляки и литовцы «имали» местных жителей и, не желая тратить на русских пороку и свинцу, делали в земле ямы и давили их там» (Дягилевы Горы).

Практически в каждой посещенной Шустиковым деревне ему рассказывали о кладах. Данные легенды, кстати, очень распространенные и в других местностях, являются своеобразным проявлением социально-утопической мечты: найти клад — избавиться от бедности. Во всех рассказах делается акцент на достоверность. Вера в кладыв поддерживалась и реальными находками. (Крестьяне деревни Павловской «нашли в лесу клад медных и серебряных монет фунтов 30»). Зарытые в курганах (во времена Шустикова все курганы уже были перекопаны по многу раз) кладыв, по мнению местного населения, принадлежали чуди, татарам, «панам», разбойникам. Предания о кладах в фольклорной традиции строятся, как правило, по определенной схеме: дается географическое описание местонахождения клада и магические сведения, как им овладеть. Заключением служит рассказ, почему клад «не дался». В записи Шустикова чувствуются лишь контуры схемы.

И еще один сюжет должен привлечь внимание читателя. Он связан с отголосками архаического фетишизма. В Чужге,

пишет Шустиков, в церкви на наиболее чтимых иконах — Варвары, Екатерины, Параскевы — висят амулеты: ручки, ножки, головки, тулово, вылитые из серебра или олова. Перед иконами есть стол с ящиками, наполненными этими талисманами. Те, у кого болит какая-либо часть тела, надевают на себя соответствующий амулет и с ним молятся Богу об исцелении. Комментируя этот эпизод, Шустиков отмечает, что «это заведено «издревле» и так ведется до сих пор... Амулеты — дар самих богомольцев, получивших исцеление...». Вера в зависимость человеческой жизни от сверхъестественных сил свойственна как ранним, так и поздним формам религии.

События, которые происходят за пределами описываемой Шустиковым территории, и их влияние на местное население (революция, гражданская война, близость Северного фронта) можно угадать лишь по отдельным репликам: «Хлеб везде вздорожал да и негде купить» (Тигино), «Купить ничего не удалось из старины, ибо деньги не ценят ни во что» (Кремлево). «Советским чайком» называют крестьяне кипяток. Пожалуй, единственной приметой нового времени, нарушающей сонную жизнь «вологодского захолустья», явилось строительство дороги «Коноша—Вельск», на которой был задействован военно-дорожный отряд. «Служащими этого отряда выделен из своей среды сценический просветительский кружок», который ставил небольшие пьесы, имевшие успех у молодежи.

Данный очерк, хотя и написан почти через 30 лет после публикуемой в настоящем альманахе «Троичины Кадниковского уезда», однако, учитывая незначительность произошедших перемен, в известной степени дополняет содержащиеся в нем сведения о быте, обычаях, нравах, занятиях населения данной территории. Полагаем, что оба очерка дадут читателю некоторое представление о своеобразии культуры Вожегодского края.

Очерк публикуется по рукописи с незначительной стилистической правкой. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными требованиями. Подстрочные примечания А. А. Шустикова несколько расширены и помещены после текста. Сокращенные слова приводятся полностью. Названия населенных пунктов и географических объектов даны в современном написании.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАВО. Ф. 4389. Оп.1. Д.146.

² Шустиков А. А. Троицина Кадниковского уезда. (Бытовой очерк) // Живая старина. 1892. Вып. II. С. 71-91; Вып. III. С. 103-138; Шустиков А. А. Тавреньга Вельского уезда // Живая старина. 1895. Вып. II. С. 171-181; Вып. III-IV. С. 359-375.